
ТЕОРИЯ ФРЕЙМОВ КАК ЯЗЫК ОПИСАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

СОНА САГАТЕЛЯН

Социология потеряла общество в безуспешных и многочисленных попытках "реконцептуализации-как-реанимации", мы целенаправленно и уверенно идем к потере социального, субъект, периодически исчезая, выплывает вновь, но уже в качестве актора, агента, актанта и даже вещи, мы переживаем период радикальных подозрений, сомнений и недоверия, по-новому прозвучавших в постмодернистском прочтении, боремся с разного рода эпистемологическими прививками (в то же время пытаюсь за них схватиться, как за спасательный круг), с тем же успехом вторгаемся во "вражеские" эпистемологические лагеря, доказывая то имманентность, то трансцендентальность социального, а следовательно, востребованность наших языков описания. В то же время, люди, группы ("в себе" или "для себя", группы-свидетели или группы-лица, группообразование и т.д.), классы и общества (или сообщества, или ассоциации, или метасистемы, аутопоейтические системы, виртуальные миры, сети, множественности или ассамбляжи) как продолжали бороться за ограниченные и в современных условиях крайне дифференцированные блага (или ресурсы, или капиталы, или культурные модели самовоспроизводства и т.д.), так и борются и будут бороться.

Социальная реальность трансформировалась до неузнаваемости, коренные изменения произошли с нашей картиной мира и научной рациональностью, но базовые принципы "вранья" в условиях войны, сформулированные лордом Артуром Понсоби в далеком 1928 году ни на йоту не потеряли своей актуальности¹. Легитимизация конфликтов любого типа и порядка продолжает "дирижироваться" по нотам старой доброй фальсификационной модели. Если мы продолжаем бороться за территорию, нефть, власть, деньги, информацию, статус, престиж, влияние и т.д., то что изменилось? Это тот самый исходный вопрос, на котором строятся мои дальнейшие методологические допущения. Ответ прост: изменились возможности, механизмы, технологии, ресурсы, последствия, т.е. сама механика конструирования конфликта. Следовательно, перевод анализа конфликта в язык фрейм-анализа – это попытка сфокусировать теоретическую оптику на проблемах понимания и интерпретации конфликта как события, что, в свою очередь, основывается на совокупности вопросов о том, как на уровне разных порядков наблюдения образ конфликта как референция конструируется (и тем самым понимается и воспринимается) на основе отбора, идентификации и категоризации, трансформируясь из дискретных событий в связанное, значимое, упорядоченное, считываемое нарративное повествование.

---

¹ См. **Arthur Ponsonby**. Falsehood in War-Time: Containing an Assortment of Lies Circulated Throughout the Nations During the Great War. London, 1928.

Начнем с обоснования актуальности затронутой проблемы (или, если словами Гофмана, с “оправданий”). Дебаты о том, является конфликт нормой или патологией, процессом или структурой, действием или системой и т.д., разворачиваемые с позиций полярных макроабстракций, взаимоисключающих конфликто-консенсусных концептуальных ориентаций и основанные на интуиции методологического национализма, с учетом трансформации как социальной реальности, так и социологического языка описания, нуждается в теоретической ревизии по нескольким причинам:

а) Реалии современного мира, так же как и трансформация научных языков их описания и концептуализации, позволяют заключить, что социальные отношения детерминированы не только обществом и взаимодействиями, но также (и в первую очередь) «внечеловеческими» объектами, такими, как технологии, предметы, тексты, образы, знаки и т.д, которые получают статус исключительной социологической значимости. Сказанное приобретает ключевое значение в контексте социологического осмысления конфликта не только с точки зрения отношений человека с человеком (как предлагает Зиммель), а прежде всего с позиций отношения субъектов к текстам, знакам, образам, конструирующим и в некоторых случаях подменяющим конфликт. Я намеренно не использую термин реальный конфликт, поскольку конструированный образ конфликта, будь то иллюзия в джеймсовском понимании, переключение в интерпретации Гофмана, мимезис Рикера, анкоринг Московичи или симуляция Бодрийяра, от этого не перестает быть более чем реальным в феноменологическом смысле. Я не рассматриваю соотношение понятий *конфликт* и *образ конфликта* в качестве полярной оппозиции, поскольку образ как когнитивный конструкт может рассматриваться в качестве альтернативной реальности, а не квазиреальности в шютцевском понимании². Здесь я согласна с Джеймсом, который говорит, что «каждый мир в тот момент, когда на него направляется внимание, на свой манер реален, только его реальность ускользает от внимания»³.

б) Меняются не только структурные характеристики конфликтов, но и темпы их протекания. Это очевидно в современных условиях гипертрофированного, всеобъемлющего, имманентного информационного удушья, когда реальность кроится и перекраивается, как лоскуток ткани, принимая те или иные формы, наполняясь определенными смыслами. Мы считаем крайне наивными и с методологической точки зрения неплодотворными попытки понять конфликты, которые возникают, казалось бы, ниоткуда, разворачиваются с невероятной скоростью, наслаиваются друг на друга с непрогнозируемым исходом умозрительными классическими моделями. Это связано с динамизмом современного мира и как следствие – нелинейным видением социальных процессов.

в) Формируются фигуры глобального наблюдателя как не просто “Другого”, а “Другого внутри нас” в понимании Бека⁴, что означает, что мы уже не можем сводить анализ наблюдателя конфликтных событий ни к индивидуальным, ни к институциональным наблюдателям. Это подводит к идее безличности,

---

² См. **Шюц А.** О множественности реальностей //“Социологическое обозрение”, 2003, т. 3, № 2, с. 10.

³ Там же, с. 3

⁴ См. **Beck Ulrich.** Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006.

масштабности, нарративности и беспрецедентной резонансности современных конфликтов, которые перестают уместиться в строго локальных рамках.

г) Формируются новые системы производства значений, или фреймирования, которые функционируют на стыке порядков, транслируя или переводя значения либо знания наблюдателю первого порядка. Их формирование я рассматриваю как закономерный результат, с одной стороны, потребности в определениях в условиях тотальной неопределенности и рискогенности новых конфликтов, а с другой – возникновения возможностей для функционирования экспертных систем фреймирования.

д) С учетом тотальной власти СМИ в современных условиях (которая уже давно перестала быть лишь “четвертой” властью) фреймы конфликта моделируются, артикулируются и блокируются с помощью широко известных механизмов манипуляций в информационном пространстве. Учитывая, что восприятие при конфликте, как правило, искажено, стереотипизировано, “тоннельно” и поляризовано в силу своей гипертрофированной избирательности, оно принципиально управляемо посредством смоделированных когнитивных матриц. Например, любого ангела можно демонизировать, любого демона – трансформировать в героя, а агрессора представить спасителем или жертвой.

е) Проблема вытекает также из беспрецедентного с точки зрения как технологий, так и знаний совершенствования форм легитимизации и пропорционального увеличения потребности в ней в условиях современных конфликтов. Вне зависимости от того, рассматриваем мы легитимизацию конфликтов с точки зрения формирования технократического сознания, приводящего к деполитизации и фрагментации обыденного сознания, символического насилия, наделенного конститутивной властью навязывания концептуализаций социальной реальности, развития механизмов перестраивания, трансформирующих проблему доверия в контексте рискогенности и динамизма современных процессов, оторванных от локального контекста, культурных моделей, приводящих к новым формам отчуждения и эксплуатации, выливающимися в формирование лояльных установок, соучастных поведенческих паттернов и ложных потребностей и т.д., мы имеем дело с определениями ситуаций как формами легитимизации второго порядка, а следовательно, с нарративным фреймированием конфликтов.

Из сказанного следует, что перевод анализа конфликта на концептуальный язык теории фреймов предполагает решение первоочередной задачи реконцептуализации самого понятия конфликт. Конфликт это не только то, что происходит, но и то, что мы знаем о нем, что составляет его образ, сконструированный коллективными определениями. Отталкиваясь от данного, конструктивистского по сути методологического допущения, мы считаем, что фрейм-анализ дает возможность выявить новые грани современного социального конфликта, поскольку

- а) конфликт – это наблюдаемое событие,
- б) конфликт предполагает субъективную вовлеченность наблюдателей и систем наблюдения разного порядка,
- в) наблюдаемые атрибуты конфликта считываемы, маркированы и описаны,
- г) восприятие конфликта категоризировано,

д) категоризация конфликта производится на языке определенного порядка,
е) наблюдаемое и категоризированное событие конфликт помещается в определенные порядки различения,

ж) интерпретации конфликта на разных языках различения сами же становятся конфликтным событием, трансформируясь в исходное условие последующих различений.

Таким образом, конфликт – это названный и описанный наблюдателями конструкт, мозаика событий, в которой первична сама фигура наблюдателя, различающего и определяющего конфликт на основе когнитивной матрицы восприятия и, далее, схемы интерпретации события. Наблюдатель считывает те или иные события, маркирует и категоризирует их в социальном пространстве конфликта. При этом, с точки зрения Гофмана, сам язык наблюдателя становится неким инструментом различения⁵. Иными словами, конфликт – это интерпретированная на основе категоризированного восприятия реальность, множественность разворачивающихся в определенном пространственно-временном континууме событий, которым субъекты присваивают некие значения. Выявление и анализ фреймов позволяет понять эпизоды конфликтных событий, которые регулируются акторами в соответствии с теми значениями, которые воспроизводятся в конфликтном взаимодействии. Конфликт, который обозначен и номинирован, будет далее идентифицироваться в силу последующих наблюдений-различений. При этом конфликт как некое событийное множество может не соответствовать ни естественным, объективным различениям событий, ни аналитическим определениям, заданным в ходе исследования. Используя гофмановскую терминологию, конфликт можно рассматривать как определенный отрезок, эпизод или «произвольно выделенную последовательность реальных или фиктивных событий, представленных с точки зрения тех, кто субъективно заинтересован в них участвовать»⁶. С точки зрения значения конфликтных эпизодов в различениях наблюдателей это разные события, и было бы неправильно искать им общие социологические объяснения. Здесь мы солидарны с Уинчем, который видит роль социолога в прояснении тех значений, которыми обладает событие в рамках используемых различений и критериев идентификации⁷.

Отсюда следует, что любая попытка понять динамику современных конфликтов на основе строго последовательных, стадийных моделей обречена на спекуляцию. Современный конфликт – это крайне динамическая, вариативная, контингентная событийная констелляция, которая с учетом современных информационных технологий имеет мозаичный и порой хаотичный характер. Конфликты провоцируются, иницируются, управляются, усложняются, упрощаются, легитимизируются, рационализируются, проецируются, разрешаются, переносятся и т.д. – одним словом, конструируются. Несмотря на протяженность во времени, конфликт происходит здесь-и-сейчас, но не в смысле

---

⁵ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2004, с. 69.

⁶ Там же, с. 71.

⁷ Winch P. The idea of a social science and its relation to philosophy. London: Routledge, 1990, p. 72.

гоффмановского лицом-к-лицу, а как общее, разделяемое с “Другим”, нарративное пространство реальности, становясь объектом наблюдения, описания и категоризации, которые обеспечивают наше понимание происходящего на основе тех или иных моделей прочтения. Не зря фигура наблюдателя и акт наблюдения симбиотически связаны с точки зрения социологической логики осмысления события. Происшествие получает статус события благодаря тому, что оно принципиально наблюдаемо, а следовательно – различимо и социально в силу инкорпорированного в него смысла. Следовательно, триединство наблюдения-различения-описания позволяет отличать, сопоставлять, сравнивать, конструировать события за счет принципиальной возможности считать события, маркировать их как события и производить релевантную в тех или иных порядках различения кодификацию последних. При этом нет принципиальной разницы с точки зрения концептуализации конфликта между семейным насилием, уличной дракой, вооруженным бунтом, судебным заседанием, обстрелом на границе или встречей президентов на переговорах, поскольку вне зависимости от характеристик любое происшествие (happening, occurrence) наблюдается, а значит, помещается в ту или иную систему различений, интерпретируется, получает статус некоего дискретного события, которое далее помещается в рамку более общего класса. И наоборот, определенное происшествие может остаться незамеченным, ненаблюдаемым, неразличимым, получая статус некодированного (в лумановском понимании) в рамках той или иной коммуникационной системы координат. Следовательно, с точки зрения данной методологической интуиции, если происшествие некодировано *post factum*, оно «не произошло» и непонятное и неопределенное заменяется различением маркированное/не-маркированное наблюдателями.

Вывод: процессы отбора, идентификации, классификации и типизации как инструменты воспроизводимых различений, порождающих различения, категории, организованные в фреймы, упорядочивающие социальные репрезентации, дистиллированные в схемах, скриптах, сценариях, задающих рамки восприятия, считывания, оценки, соотнесения ситуаций и событий в конфликтных терминах, когнитивное упрощение кодифицируемой информации в режиме узнаваемости, крайне избирательное выхватывание и перекошенное связывание эпизодов и деталей в соответствии с доминирующими, стереотипными структурами ожиданий и составляют проблемное поле перевода конфликта как предмета социологического теоретизирования на язык описания теории фреймов. Отсюда, в свою очередь, следует, что фреймирование конфликта – упорядоченный, типизированный социальный процесс конструирования повествования, который на видимом (с точки зрения возможностей теоретической реконструкции) уровне решает эти задачи “защиты”, задавая считываемые модели восприятия, понимания и интерпретации конфликта. Ответы на любые вопросы относительно тех или иных деталей, эпизодов конфликта есть фреймы, сконструированные, артикулируемые, интерпретируемые в процессе конфликтного фрейминга. Соответственно конфликт определяется не некими общими, субстанциональными признаками, а сконструированными посредством фреймирования социальными репрезентациями как моделями понимания и интерпретации социального опыта. В то же время конфликт относится к той самой категории социальных собы-

тий, которые подразумевают и инициируют борьбу номинаций, которые Горовиц обозначает термином метаконфликты⁸. Фреймированный конфликт, в какой-то момент переросший в конфликт фреймирования, становится именно тем, что Горовиц называет «конфликтом по поводу природы конфликта»⁹. В итоге мы имеем дело с парадоксом: на исходный конфликт наслаивается конфликт интерпретаций интерпретируемого же конфликта. В какой-то момент различие между данными прослойками нивелируются, поскольку конфликт, возникший между субъектами по поводу определенных обстоятельств, в контексте нарративного фреймирования превращается в конфликт интерпретаций, иными словами, в борьбу за утверждение своих фреймов в заданной ситуации. Получается, что любой конфликт безотносительно к его типовым, структурным и динамическим характеристикам с неизбежностью трансформируется в конфликт интерпретаций в результате и по поводу номинации, категоризации и нарративного повествования истории конфликтного взаимодействия. Сам же процесс фреймирования трансформируется в предмет конфликта, становясь условием последующих конфликтных действий. Следовательно, первостепенной задачей исследователя становится реконструкция нарративных фреймов.

Ключевые слова: образ конфликта, конструирование события, фреймирование, порядки различения, производство значений, номинация, категоризация, конфликт интерпретаций, системы наблюдения, когнитивный конструкт

ՄՈՆԱ ՍԱՂԱԹԵԼՅԱՆ – Ֆրեյմերի տեսությունն իբրև կոնֆլիկտի նկարագրման լեզու – Կոնստրուկտիվիստական մեթոդաբանության և կոգնիտիվ սոցիոլոգիայի դիրքերից հիմնավորվում են արդի կոնֆլիկտի՝ որպես կառուցակցված սոցիալական իրադարձության իմաստավորման արդիականությունը և մեթոդաբանական հնարավորությունները: Քննության է առնվում կոնֆլիկտի դիտարկման, տարբերակման և ֆրեյմավորման միջև կապը, ինչը հնարավորություն է տալիս ուրվագծելու կոնֆլիկտի ֆրեյմ վերլուծության տեսամեթոդաբանական հիմքերը:

Բանալի բառեր – կոնֆլիկտի կերպար, իրադարձության կառուցում, տարբերակման կարգեր, ֆրեյմավորում, անվանում, կատեգորիզացիա, մեկնաբանությունների կոնֆլիկտ, դիտարկման համակարգեր, կոգնիտիվ կառույց

SONA SAGHATELYAN – Frame Theory as a Language of Conflict Description. – Topicality and methodological potential of analysis of conflict as a constructed social event from perspectives of constructivist methodology and cognitive sociology are argued. The connection between observation, differentiation and framing of conflict, aimed at outlining theoretical and methodological basics of frame analysis of conflict is considered.

Key words: conflict image, event construction, framing, differentiation orders, meaning production, nomination, categorization, conflict of interpretation, observation systems, cognitive construct

---

⁸ **Horowitz D.** Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. Berkeley: University of California Press, 1991, p. 2.

⁹ Там же.